

Подписная цена съ доставк. и пересылкою:

на .	12 м.	9 м.	6 м.	1 м.
Въ Томскѣ .	4	3 30	2 30	— 40
Въ др. города.	5 —	4 —	3 —	— 50
Заграницу. .	9 —	7 —	5 —	— 90

Подписка и объявленія [по таксѣ] принимаются въ книжныхъ магазинахъ П. И. Макушина въ Томскѣ и Иркутскѣ. Изъгородніе требованія адресуютъ въ редакцію.

Сибирская Жизнь

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ ЗА 1897 ГОДЪ.

(Беллетристика).

(Продолжение).

Заслуживающими особеннаго вниманія художественными произведениями этого года оказываются лишь нѣсколько мелкихъ очерковъ, принадлежащихъ по большей части перу второстепенныхъ литераторовъ.

Наибольшее вниманіе обратили на себя въ минувшемъ году «Мужики» Чехова, (Р. М., IV). Это не полная и отрывочная, но мастерски написанная картина жизни нашей деревни. Тяжелое, даже жуткое впечатлѣніе производитъ эта картина. Нѣтъ здѣсь ни одной свѣтлой точки, ни одного примиряющаго штриха. Въ лицѣ представителей этого темнаго, безгласнаго царства мы видимъ дѣло скорѣе съ зоологическими особями, чѣмъ съ людьми. Чеховъ, какъ и во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, здѣсь строго объективенъ, нигдѣ не замѣтите вы его собственнаго отношенія къ изображаемому міру, но картина до того жизненна, краски до того ярки, что чувствуешь, какъ самъ авторъ болѣлъ за описываемую имъ невѣжественную полуживотную массу.

«Мужики» надѣлали много шума въ нашей литературѣ. Не только толстые журналы, но и многія газеты, даже провинціальныя, посвятили разборъ ихъ обстоятельныя статьи. Нельзя сказать, чтобы это обстоятельство обличало исключительныя достоинства произведенія. При всей своей талантливости оно ничего не сказало новаго и во всякомъ случаѣ менѣе вѣрно и глубоко изображаетъ народную жизнь, чѣмъ, напр., очерки Гл. Успенскаго.

Не безъ таланта написаны «Молодые всходы старой полосы» Николаевой (Рус. Бог. I—II кн.). Въ особенности хороши нѣкоторыя отдѣльныя мѣста повѣсти. Авторъ рисуетъ намъ семейную трагедію въ жизни симпатичнаго, но узкаго и упрямаго моряка. Дѣйствіе происходитъ повидимому передъ великими освободительными движеніемъ 60-хъ гг. У капитана Палицына есть дѣти, которыхъ онъ страстно любитъ, но которыхъ не понимаетъ. Палицына страшитъ стремленіе его сына, молодого офицера, въ университетъ, тревожитъ честный, твердый и прямодушный характеръ дочери. Онъ самъ сравнительно образованъ, но не вѣритъ въ науку и въ стремленіи сына къ знанію видитъ простое увлеченіе молодости. «Стали ли люди отъ науки хоть на йоту счастливѣе?» спрашиваетъ онъ сына, и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. Въ глубинѣ души его пугаетъ не наука и не университетъ, а то новое, что носилось въ то время въ воздухѣ и что пугало не однихъ только крѣпостниковъ и обскурантовъ. «Теперь носятъ всякія безумныя идеи, говоритъ онъ, по рукамъ ходятъ листки, стихи, статьи... Подымается какой-то новый вѣтеръ. Я хочу знать, что сынъ мой пойдетъ всегда тѣмъ-же путемъ, какимъ шелъ отецъ...». Но старикъ самъ чувствуетъ, какъ бессильно такое требованіе. Онъ знаетъ, что сынъ его не сдѣлаетъ ничего безчестнаго, ничего преступнаго съ нравственной точки зрѣнія, но въ то-же время онъ предвидитъ, что онъ не пойдетъ путемъ отца. Это вѣчная трагедія взаимнаго непониманія «отцовъ и дѣтей...».

Глубоко симпатичными чертами рисуетъ авторъ это нарождавшееся поколѣніе шестидесятниковъ. Не карьера, не знаніе ради знанія влечетъ молодого Палицына въ университетъ. «Онъ шелъ въ университетъ ради наивной и пылкой надежды узнать всю — не менѣе, какъ всю — истину жизни... Вотъ оно самое мучительное, — не знать, гдѣ правда, какъ жить... Какъ быть гражданиномъ, не зная, въ чемъ правда?...» Отвѣтъ на эти вопросы юноша ждетъ отъ науки. «Она укажетъ, какъ этотъ проклятый хаосъ пересоздать въ человѣческую жизнь».

Изъ другихъ произведеній минувшаго года обращаютъ на себя вниманіе талантливыя очерки Горькаго — «Ковалевъ» (Н. Сл., VI) и «Супруги Орловы» (Р. М., X). Въ журналистикѣ г. Горькій человѣкъ сравнительно новый, но еще раньше онъ печаталъ свои рассказы во многихъ провинціальныя газеткахъ, и теперь его литературная фізіономія довольно опредѣлена. Свои рассказы г. Горькій посвящаетъ обыкновенно описанію быта городского пролетаріата, главнымъ образомъ, отбросовъ его — босиковъ. Возлюбленный типъ автора — то скупой представитель этого темнаго царства, человѣкъ съ смутнымъ недовольствомъ окружающею дѣйствительностью, съ неопредѣленными порывами къ чему то иному, лучшему. Вариантами на эту тему являются и упомянутые очерки.

Интересенъ очень живо написанный очеркъ Краицкой «То было раннею весной» (Р. М., VII—VIII) и повѣсть Сомовой «Послѣднее сло-

во». (Р. В. VI—X кн.). Въ послѣдней рисуетъ жизнь въ Америкѣ одного русскаго эмигранта, отправлявшагося туда искать осуществленія своихъ идеаловъ. Чувство одиночества русскаго идеалиста въ странѣ доллара и практическаго дѣла, его романъ и разныя стороны американской жизни обрисованы живо и тепло. Въ особенности хороша глава, посвященная описанію сродни безработныхъ въ Чикаго, гдѣ «другъ народа» доказываетъ рабочимъ, что социализмъ провалился вездѣ — въ древнемъ Вавилонѣ, въ Греціи и въ Римѣ, — что онъ самъ посѣщалъ всѣ эти мѣста и вездѣ видѣлъ одиѣ развалины социализма. Вся эта сцена проникнута неподражаемымъ юморомъ. Изъ другихъ произведеній, имѣющихъ отношеніе къ нашей общественной жизни, слѣдуетъ упомянуть о романѣ Бороныкина «По другому» (В. Евр. I—IV). Авторъ задается цѣлью изобразить въ романѣ представителей трехъ послѣдовательныхъ поколѣній, о которыхъ у насъ была рѣчь выше, и въ частности представителей современнаго «марксизма». Задача эта ему безусловно не удалась.

Изъ произведеній, не имѣющихъ рѣзко выраженныхъ общественныхъ тенденцій, но написанныхъ болѣе или менѣе талантливо, отмѣтимъ: очеркъ Елпатьевскаго «На кухнѣ» (Миръ Бож., V). Короленко «На лиманѣ» (Р. В., XI), Любимова «Нужда» (Н. Сл., IX) и Засовскаго «Повѣсть изъ давнихъ лѣтъ» (Р. М., VI).

Къ сожалѣнію, въ этой повѣсти мы видимъ лишь первые шаги этого нарождающагося поколѣнія въ его исканіи правды жизни. Съ дальнѣйшею судьбою его мы знакомимся въ «Юности» Мельникова (Р. В., IV—V кн.). Здѣсь мы видимъ рядъ типовъ учащейся молодежи 60-хъ годовъ, главнымъ образомъ, гимназистовъ. Юная не только годами, но и душою, полная смутныхъ надеждъ и пылкихъ стремленій къ чему то хорошему, молодежь эта увлекается то поэзіей, то естествознаніемъ, то Некрасовымъ, то Писаревымъ. Среди нихъ встрѣчаются и представители слѣдующаго поколѣнія, — семидесятники. Какъ Ленька Доманскій — пылкій увлекающійся гимназистъ, врагъ авторитетовъ и разрушитель эстетики, слѣпой поклонникъ Писарева — является типичнымъ представителемъ шестидесятыхъ годовъ, такъ умный, но холодный и разсудительный Мохначевъ является носителемъ идей семидесятыхъ годовъ. Подъ его влияніемъ въ сторону этихъ послѣднихъ склоняется и кружокъ молодежи, описываемой авторомъ. Интересна сцена, характеризующая этотъ поворотъ симпатій. «Не думаете-ли вы, говоритъ Мохначевъ, что къ сочиненіямъ Писарева надо сдѣлать нѣкоторыя поправки, что онъ въ значительной степени отклонился отъ гуманнаго ученія Добролюбова? Мы переживаемъ время, когда долгъ молодого поколѣнія — забыть обо всѣхъ личныхъ вопросахъ и вкусахъ и безъ зазвѣта, безъ колебанія идти на помощь къ меньшему брату. Тутъ, знаете, не до споровъ о стишкахъ и объ эстетикѣ!»

Еще работы въ жизни много,
Работы честной и святой,
Еще терниста дорога
Не залегла передо мной!

— «Какой-же теперь главный вопросъ, — спрашиваютъ Мохначева, — если вопросъ о поэтѣ — вопросъ второстепенный?» — «Счастье народа, отвѣчаетъ онъ, нашъ неоплатный долгъ передъ родиной, о которомъ слѣдуетъ день и ночью думать и который мы, интеллигенція, должны такъ или иначе уплатить»....

Среди героевъ повѣсти авторъ намѣчаетъ и еще одинъ типъ семидесятника, типъ рефлектирующаго резонера. Это ригористъ Степа Осипцевъ. Характерною чертою его является «склонность постоянно конатся въ своей и чужой душѣ, способность обезсилить вѣчнымъ анализомъ всякое здоровое движеніе сердца». Въ минуты откровенности Осипцевъ начиналъ резонировать «о жизни, о родинѣ, о нашемъ, словно вѣкъ-то проклятомъ, поколѣніи, о его нерѣшимости и дряблости, о нашихъ бесплодно пропадающихъ силахъ. Говоритъ онъ ужель плавно и много, и при всемъ резонерствѣ въ рѣчахъ его слышалась глубокая искренность, чувствовалось, что этотъ несчастный юноша, дѣйствительно на зарѣ дней запыленъ рефлексією, отравленъ вѣчнымъ самоанализомъ и самоугрызненіями всякаго рода».

Этотъ типъ, чуть-ли не самый живучій въ нашей общественной жизни, хорошо знакомъ современному интеллигентному читателю: его мучительныя сомнѣнія, его постоянное чувство неувѣренности не чужды и этому послѣднему. Возникновеніе этого типа по времени совпало съ тяжелымъ переходнымъ моментомъ въ строеніи русскаго общества. Едва выступивъ на новый путь общественной жизни, послѣднее чувствовало себя усталымъ и обезкураженнымъ. Пылкій энтузіазмъ, — невольный спутникъ реформаціонныхъ эпохъ, — успѣлъ уже значительно охладѣть; вдохновеніе, которое такъ еще недавно подвигало людей на общественную дѣятельность, уступило мѣсто размышленію; принципы, которые такъ увѣренно и такъ безусловно выдвигались предыдущимъ поколѣніемъ, въ значительной степени утратили свое обаяніе. Старое поколѣніе подводило итоги только что сдѣланному, и эти итоги возбуждали въ немъ чувство неудовлетворенности и разочарованія. Новое поколѣніе, выступившее на сцену, тоже было обезкуражено. Это было чуть не съ колыбели разслабленное, колеблющееся поколѣніе; отчасти съ недоумѣніемъ, отчасти съ тоской смотрѣло оно впередъ и, какъ Осипцевъ, тѣтено искало своего назначенія. Его подавляло чувство собственнаго безсилія. Чувство это давало себя знать и раньше, но въ этотъ переходный моментъ оно было особенно сильно. Предыдущее поколѣніе слишкомъ было занято разрѣшеніемъ ближайшихъ, давно уже назрѣвшихъ и опредѣлившихся задачъ, чтобы разныя вопросы, выступившіе на сцену нѣсколько лѣтъ спустя, могли сильно волновать или смущать его. При всемъ различіи воззрѣній, люди того времени твердо вѣрили и въ свое дѣло, и въ свои силы. Этой-то вѣры и недоставало у поколѣнія, выступившаго имъ на сцену. Не было у него также и практической споровки, необходимой для времени, которое прежде всего «не время великихъ задачъ».

Наоборотъ, отличительною чертою его являются сомнѣнія во всемъ, что раньше казалось выше сомнѣній, — сомнѣнія не только въ собственныхъ силахъ и въ осуществимости своихъ идеаловъ, но въ самой непогрѣшимости послѣднихъ. Таковы характерныя черты этого поколѣнія, предвѣстникомъ котораго является Степа Осипцевъ. Изъ статей, посвященныхъ анализу этого поколѣнія, укажемъ на статью Гриневича «Пѣвецъ больнаго поколѣнія» (Р. В., V кн.).

(Продолженіе будетъ).